

"РАССКАЗЫ" ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

СТРАХ ЖИЗНИ И СТРАХ СМЕРТИ

Источник: ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА: СТАТЬИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА. - Художественная литература, М., 1989.

OCR: Primus, июль 2007.

Существует мнение -- мне не раз приходилось выслушивать его от заинтересованных людей,-- будто в редакциях журналов не читают рукописей неизвестных авторов, будто нужна "протекция", чтобы статья была напечатана или даже только прочитана, будто вообще печатаются только произведения личных знакомых и "знаменитостей". Это одно из самых неосновательных представлений о редакционных порядках. И не только неосновательно это представление, а и обидно. Члены редакций тратят добрую половину своего рабочего времени на закулисный, невидный публике труд чтения сотен и сотен рукописей, доставляемых им,-- и про них же складывается такая нелепая легенда! Нелепа она и в прямом, так сказать, ремесленном смысле, ибо увы! "знаменитостей" у нас слишком мало, чтобы какая-нибудь редакция могла спокойно расположиться на их плечах, а ведь материал-то для выпуска журнальной книжки в срок нужен. Но этого мало. Помимо всяких практических соображений редактор, именно потому, что ему приходится читать вороха подчас не только бездарных, а и безграмотных произведений, с особенною жадностью ищет в этой куче хоть проблеска таланта, хоть чего-нибудь, над чем бы могла отдохнуть его утомленная мысль и оскорбленное эстетическое чувство. О, конечно, редакторы могут ошибаться и неверно оценивать доставляемые им произведения, и это соображение может служить достаточным утешением для авторов непринятых произведений; а легенду о каком-то пренебрежении к новичкам, "неизвестным", "начинающим", следует бросить как совершенно нелепую...

В людях, обреченных на невидный и неблагодарный труд чтения не того, что им хочется читать, а того, что они должны читать по обязанности, вырабатывается даже несколько злобное нетерпение: дескать, доберусь же я наконец до чего-нибудь настоящего, свежего, есть же они где-нибудь, эти таланты, а если нет сейчас, то объявятся завтра, послезавтра. И велика же бывает радость, когда наконец и в самом деле судьба пошлет что-нибудь оригинальное и сколько-нибудь значительное. Мне еще недавно пришлось напомнить читателям¹ о том восторге, которым Некрасов, Григорович и Белинский встретили "Бедных людей" Достоевского. Это история типическая, только расцвеченная особенностями возраста и темперамента действующих лиц.

И то же радостное чувство охватывает нашего брата, занимающего скромное, но ответственное положение сторожа при храме литературы, когда мы наталкиваемся на что-нибудь оригинальное и значительное не в рукописи, не для нашего журнала предназначенное, а уже напечатанное, в особенности когда автор принадлежит к числу "неизвестных", "начинающих". Конечно, всякий читатель встречает новый талант с удовольствием, но для нас яркость этого нового таланта особенно выделяется среди той неизвестной публике массы посредственных, бездарных и, наконец, безграмотных писаний, которую мы преодолеваем по обязанности. Мы способны даже преувеличить размеры и значение нового явления на литературном горизонте и были бы еще более склонны к подобным преувеличениям, если бы не воспитанный горьким опытом скептицизм: да, это хорошо, но будет ли эта искра разгораться и светить и греть, или завтра же потухнет, или занесет автора в те мрачные дебри, где "леший бродит" и где ненужно, да и невозможно никакое освещение? Все ведь это бывало...

И все это я пишу под свежим впечатлением только что прочитанного небольшого сборника "Рассказов" г. Леонида Андреева² -- писателя, до тех пор мне совершенно неизвестного и во всяком случае "начинающего".

Форма небольших рассказов ныне в большой моде. Не проходит месяца, чтобы на книжном рынке не появилось несколько томиков "Рассказов", "Очерков и рассказов", "Маленьких рассказов", "Печальных рассказов", "Веселых рассказов" и т. п. В огромном большинстве случаев все это не возвышается над уровнем посредственности. Но самая форма, признанная, по-видимому, заменить собою старый роман, конечно, вполне законна. Жалко немножко широких рамок романа, в которых могла так всесторонне отражаться жизнь, преломляясь в индивидуальности автора. Однако и в этом отношении